

Николай Добролюбов

А. В. Кольцов

Николай Добролюбов

А. В. Кольцов

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

А. В. Кольцов / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

«...Кольцов до последнего времени не пользовался у нас такой известностью, какой можно бы желать для него и какой он заслуживает. Правда, некоторые из его песен распространяются в публике и возбуждают сочувствие благодаря тому, что они положены на музыку и могут быть петы в обществе, с аккомпанементом фортепьяно. Но это случайное знакомство с двумя-тремя песнями весьма немногих приводит к более близкому и серьезному изучению произведений поэта. До сих пор еще много можно встретить людей, которые знают и ценят Кольцова только как простолюдина-самоучку, выучившегося писать недурные стихи. Действительно, и это обстоятельство само по себе стоит того, чтобы обратить на него наше внимание...»

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Александрович Добролюбов

А. В. Кольцов

Глава I

Замечательные русские люди из простого звания. Кольцов. Чем он замечателен. Значение лирической поэзии вообще и песни в частности. О характере русских народных песен. Как сочинялись у нас подражания им до Кольцова. Отличие песен Кольцова от этих подражаний и от самых народных песен.

Кольцов до последнего времени не пользовался у нас такой известностью, какой можно бы желать для него и какой он заслуживает. Правда, некоторые из его песен распространяются в публике и возбуждают сочувствие благодаря тому, что они положены на музыку и могут быть петы в обществе, с аккомпанементом фортепьяно. Но это случайное знакомство с двумя-тремя песнями весьма немногих приводит к более близкому и серьезному изучению произведений поэта. До сих пор еще много можно встретить людей, которые знают и ценят Кольцова только как простолюдина-самоучку, выучившегося писать недурные стихи.

Действительно, и это обстоятельство само по себе стоит того, чтобы обратить на него наше внимание. Не удивительно, в самом деле, если является умный и образованный человек из такого семейства и вообще в том классе общества, где с первых лет жизни ребенка прилагают все старания, чтобы сделать его образованным. Нужно, напротив, с удивлением и сожалением смотреть на то, когда выходят пустые и ничтожные молодые люди из детей, которым даны все средства приобрести необходимые познания, развить свои умственные способности и сделаться людьми дельными и полезными. К несчастью, подобное явление очень нередко, и чрезвычайно забавно бывает слушать рассуждения подобных пустых людей *об образованности*. Получивши кое о чем самые поверхностные понятия, они все-таки считают себя образованными и с презрением отзываются о простолюдине. И если из простых людей явится какой-нибудь человек, которого всё признают замечательным, они с удивленной говорят об этом, как о необъяснимом исключении. А между тем дело совершенно понятно. Что простолюдины вообще менее образованны, — это зависит от того, что у них весьма мало средств получить образование. Зато, если какое-нибудь благоприятное обстоятельство поможет, крестьянский мальчик нередко образуется и развивается с удивительною быстротою. Это, без сомнения, зависит от того, что поселяне наши живут ближе к природе. Если мы обратимся к истории, то найдем, что из простолюдинов наших очень нередко выходили люди, отличавшиеся и силой души, и светлым умом, и чистым благородством своих стремлений, в самых трудных положениях, на самых высоких степенях государственных, в самых разнообразных отраслях наук и искусств. Вспомним, напр., темного мещанина нижегородского, Минина, спасавшего Россию в то время, когда не было в ней ни царя, ни порядка, ни заготовленных заранее сил... Вспомним другого простолюдина, костромского мужика Сусанина, твердо и непоколебимо верного своим понятиям о долге, бесстрашно пожертвовавшего жизнью для спасения царя, в котором видел спасение всей России. Приведем себе на память Никона, крестьянского сына из бедной деревушки Нижегородской губернии, сделавшегося потом патриархом и одним из образованнейших людей своего времени. Обратим внимание на тех знаменитых людей, которые из низкой доли возвысились и прославились в разных отношениях при Петре и его преемниках. Меншиков, по прекрасному выражению поэта, этот «полудержавный властелин»^[1] при

^[1] Стих из поэмы Пушкина «Полтава».

Петре, мальчиком бегал по улицам, продавая пирожки... Шафиров, бывший потом государственным канцлером, первый наш дипломат в истинном смысле этого слова, был взят Петром из сидельцев мелочной лавки... Подобных примеров возвышения простолюдинов в государственном смысле мы могли бы насчитать много. Не менее личностей представляется и в области науки и вообще просвещения. Наш первый ученый, заключавший в себе, как сказал Пушкин, целую академию и университет^[2], человек, трудившийся с такою пользою почти во всех родах знания, – Ломоносов, был архангельский мужик по происхождению. Наш знаменитый механик, которому удивлялись иностранцы и которого так уважала Екатерина II, – Кулибин, был нижегородский мещанин... В Курске живет до сих пор замечательный астроном – мясник Семенов...

В ряду таких имен видное место занимает и имя Кольцова. Простое его происхождение, действительно, в глазах наших дает новую цену его произведениям. Но мы очень ошиблись бы, если бы подумали, что Кольцов *только* тем и замечателен... Нет, в его произведениях много таких достоинств, которые высоко ценятся во всяком поэте, каково бы ни было его происхождение. Поэтому его никак нельзя сравнивать с другими крестьянами-стихотворцами, которых у нас было также не мало. Напр., у нас же двадцать пять тому назад много говорили о Слепушкине, простолюдине, который тоже писал много стихов. Стихи эти были в самом деле довольно гладки, в некоторых видно было искреннее чувство, и многим интересно было читать его стишки, чтобы удивляться в них, как это русский простолюдин-самоучка дошел до того, что пишет не хуже многих других, ученых и образованных людей. Но если бы эти стихи написал человек в самом деле образованный, об них сказали бы все, что они не стоят внимания, и никто бы не стал их читать... Не таковы стихи Кольцова. Они были бы замечательным, необыкновенным явлением даже и в том случае, если бы их написал и не простолюдин, а поэт, получивший самое полное образование.

Но чем же особенно замечателен, какое важное значение может иметь человек, целый век свой сочинявший песни и только в песнях показавший весь свой талант?

Такого рода вопрос могут предложить многие, потому что многие считают поэзию и вообще искусство пустым препровождением времени, прихотью, роскошью, не имеющею никакого существенного значения в жизни. Для того чтобы ответить на это предубеждение, нужно обратиться к самым началам, на которых основывается существование поэзии, и объяснить, в чем состоит существо ее и в чем заключается большее или меньшее достоинство поэта.

Поэзия, основывается на нашем внутреннем чувстве, на влечении нашей души ко всему прекрасному, доброму и разумному. Поэтому ее нет там, где участвует только какая-нибудь одна из этих сторон нашей духовной жизни, подавляя собою обе другие. Напр., прекрасно сшитый фрак, как бы он ни был прекрасен, не включает в себе ничего поэтического, потому что тут нет ничего ни доброго, ни умного. Точно так – отдать в назначенный срок занятые деньги – дело доброе и честное, но оно не включает в себе поэзии, потому что мы не видим в нем ни особенного умственного развития, ни изящества. Таблица умножения опять вещь очень умная, но нимало не поэтическая, так как ни красоты, ни добра, собственно, в ней мы не находим. Таким образом, высшая поэзия состоит в полном слиянии этих трех начал, и чем более поэтическое произведение приближается к этой полноте, тем оно лучше. Чтобы удовлетворить требованию добра, оно должно непременно быть *благородно* и *честно*; оттого нам не нравятся, напр., стихотворения, в которых расточается подлая лесть, как бы эта лесть ни была хорошо выражена. Чтобы иметь значение пред судом ума, поэтическое произведение необходимо должно заключать в себе *мысль*: никого, напр., не приведет в восторг простое перечисление нелюбопытных предметов или рассказ о каком-нибудь ничтожном происшествии, не заключающем в себе никакого внутреннего смысла. Всякий спросит: что же из этого? какая

^[2] Перифраз строк о Ломоносове в замечаниях Пушкина о книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

же мысль в этом рассказе?... Но всего более требуется условий от поэтического произведения в отношении к чувству. Против него-то часто, погрешают люди, принимающиеся за поэзию. Они нередко рассказывают о каком-нибудь обыкновенном поступке или излагают стихами свои убеждения и воображают, что это поэзия. Но на деле выходит, что они, увлекшись своими мыслями или добрыми стремлениями, не позаботились вовсе о чувстве, и потому, вместо поэзии, пустились в дидактику, т. е. в холодные рассуждения. Чувство наше возбуждается всегда живыми предметами, а не общими понятиями. Если даже, напр., читая какое-нибудь рассуждение, мы вдруг ощущаем в душе чувство приятное или неприятное вследствие мыслей, в нем изложенных, то это может случиться не иначе, как когда мы живо представим себе предмет, о котором тут говорится. В этом представлении общая мысль непременно получит для нас какой-нибудь определенный образ, напр., от понятия бедности мы можем перейти к представлению бедняка, голодного, в рубище и пр., от понятия счастья – к представлению какой-нибудь картины жизни, в которой мы сочли бы себя счастливыми, и т. п. На этом основании для поэзии необходимы живые, определенные *образы*, чтобы она могла удовлетворить нашему чувству. А могут явиться в душе эти образы только тогда, когда мысль, которую хотим мы развить, в поэтической форме, не только хорошо понята нами, но и вполне живо и определенно представляется нашему сознанию, так что легко возбуждает чувство в душе человека. В этой-то стороне и заключается главное отличие так наз. поэтических натур. *Понять* истину может всякий умный человек; *стремиться к добру* должен и хочет всякий человек, не лишенный благородства души. Но сильно *почувствовать* и правду и добро, найти в них жизнь и красоту, представить их в прекрасных и определенных образах – это может только поэт и вообще художник.

Строго говоря, поэтическое чувство есть почти во всяком человеке. Чрезвычайно трудно найти таких грубых и холодных людей, на которых ничто не производило бы впечатления, которые были бы равнодушны ко всему на свете. Но в обыкновенных людях чувство это проявляется очень слабо и нередко заглушается разными житейскими расчетами и обстоятельствами. В поэте же оно развивается весьма сильно, является господствующим над другими сторонами души и выражается очень ярко, несмотря на все внешние препятствия.

Впрочем, и в самих поэтах чувство это бывает различно, как в степени своей силы, так и в направлении. Смотря по разным обстоятельствам жизни и по самому природному темпераменту, чувство поэта может обращаться преимущественно в ту или другую сторону, как и вообще это бывает у прочих людей. Как, напр., часто встречаются в обществе прекрасные рассказчики, которые умеют живо и занимательно передать анекдот, происшествие, но не могут определенно и верно описать предмет и передать впечатление, какое он производит. Другие, напротив, именно отличаются умением изображать предметы и так прекрасно их описывают, что они представляются слушателям как живые и вследствие того легко возбуждают в душе их глубокое чувство. Есть и третий род рассказчиков, которые умеют так живо подметить особенности людей и предметов, что просто представляют их, подражая им голосом, телодвижениями, изменениями лица и пр. Это самый живой род рассказчиков... То же бывает и в поэзии. Одни поэты преимущественно умеют хорошо рассказать происшествия, случающиеся в жизни. Это называется *эпической* или повествовательной поэзией, к которой относятся поэмы, романы, повести, сказки и пр. Другие особенно хорошо могут изображать предметы и передавать то чувство, то впечатление, которое эти предметы возбуждают в душе. Это поэзия *лирическая*, к которой относятся все почти роды мелких стихотворений и которая названа так оттого, что в древности все подобные стихотворения пелись, и это пение сопровождалось игрою на лире. Наконец, есть поэты, которые, ничего не говоря сами от себя, выводят перед нами разные лица и заставляют их говорить и вступать в различные отношения между собою: это *драма*, под которой разумеется и комедия и вообще всякое театральное представление. Эти три рода и составляют всю область поэзии. Других родов, кроме этих, нет.

Разумеется, нужно помнить, что и здесь нельзя совершенно отделять этих трех родов в поэтических произведениях. И в повести часто разные лица вступают в разговоры и сами действуют так, что автор от себя не говорит уже за них; и в драме бывают речи, полные лирического чувства; и в лирическом стихотворении может быть введен рассказ для того, чтобы еще сильнее возбудить чувство. Без этого смешения нельзя обойтись, потому что и в жизни оно беспрестанно встречается, а поэтическое создание тогда и хорошо, когда оно живо и верно раскрывает перед нами все, что есть в жизни. Различие между тремя родами поэзии основывается не на исключительном, а только на преимущественном участии в произведении – или *описания*, или *рассказа*, или *действия*.

Из трех, названных нами, родов поэзии *лирический* распространен всего более. В самом деле, мы беспрестанно испытываем различные впечатления от предметов, беспрестанно в душе нашей появляются мимолетные, разнообразные чувствования. Каждое из таких впечатлений и чувств может дать содержание для лирического стихотворения. И поэт, изображая такие впечатления и чувства, оказывает большую услугу людям: без него много прекрасных чувств и благородных стремлений было бы забыто нами; они появились бы в нас на минуту и тотчас исчезли бы под влиянием разных житейских забот и мелочей. Поэт, умеющий прекрасно изобразить сердечное чувство, дает нам прочное напоминание о нем и вновь вызывает из глубины души то, что прежде было заглушено в ней разными внешними обстоятельствами. Поэтому-то достоинство поэта зависит, с одной стороны, от того, как сильно в нем поэтическое чувство, а с другой – от того, на какие предметы и на какие стороны предмета оно обращается. Последнее зависит уже от умственного развития. Есть такие поэты, которые, кроме живости чувства, ничего не имеют. Они до того ограничены умственно, что целый век могут петь все на одну какую-нибудь часто ничтожную тему, и то ясно не понимая ее. Иные, напр. во множестве стихотворений все толкуют о какой-то неопределенной грусти; а о чем они грустят, – это сами они хорошенько не понимают. Другие все восхищаются чем-то, уверяя, что жизнь и мир хороши; но почему хороши, как и в чем именно видно хорошее, прославляемое ими, – это для них самих чрезвычайно темно... Такие поэты, имея очень мало *мыслей*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания